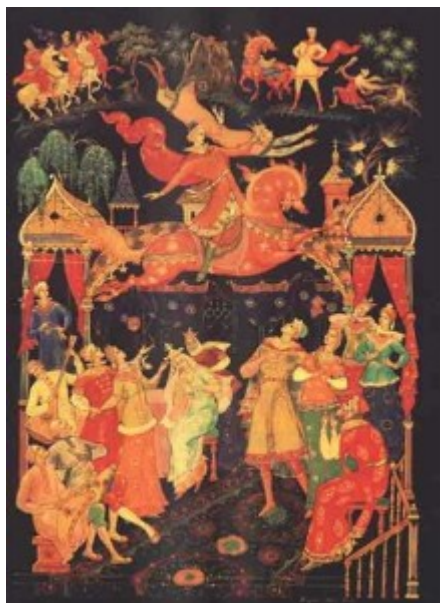

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван Быкович

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на покормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первую ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

– На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

И вот разом забрюхатели: и царица, и её любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван, кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит бельё переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится.

По десятому году пришли они к царю и говорят:

– Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

– Ну, братцы, – говорит Иван-царевич, – давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

– Ладно, – отвечал Иван Быкович, – бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина

сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил – вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею.

– Давайте, – говорит царевич, – ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет больший брат.

– Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил – палка через четверть часа назад упала, а Иван Быкович бросил – только через час воротилась.

– Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

– Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? – сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился – нет, не берет сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, – камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

– Мелко же вы плаваете! Постойте, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою – камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

– Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились. Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и

приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо – поворачивается.

– Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезть, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

– Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

– Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

– Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт.

– Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё – пустехонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

– Братцы! Мы заехали в чужедальнюю сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану, кухаркину сыну, а третью – Ивану

Быковичу. Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт^[1] ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

– Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

– Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

– Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

– Ну что, не видал ли чего?

– Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо – чья возьмёт!

Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

– Что, брат, не видал ли за ночь чего?

– Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

– Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

– Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польёт – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам.

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я только дуну – его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись!

– А, ты здесь! Зачем пришёл?

– На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

– Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

– Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

– Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

– А! – говорит чудо-юдо, – ты обманом живёшь; у тебя помощь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб

все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

– Эх вы, сони! – говорит Иван Быкович. – Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка.

Увидала его старая ведьма, насыпала зернышков и стала сказывать:

– Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

– Не горюй, матушка! Мы ему за всё отплатим, – говорят чудо-юдовы жены.

– Вот я, – говорит меньшая, – напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт – тот сейчас лопнет.

– А я, – говорит середняя, – напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся – того я утоплю.

– А я, – говорит старшая, – сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет – тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать,

да Иван Быкович наперёд заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест – только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем и с золотой кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Иван Быковичу:

– Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись – нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу – старому старику.

– На тебе, – говорит, – нашего губителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

– Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

– Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

– Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на всё готов.

– Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое

государство и достань мне царицу – золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому чёрту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

– Вот тебе, Ванюша, дубинка, – говорит старик, – ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришёл к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает:

– Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

– Все за мной! – и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад – и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке:

– Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

– Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает к лодке другой старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, вино-пиво пить.

– Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

– Говори: что умеешь?

– Я, батюшка, умею в бане париться.

– Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут ещё лодка подъехала; говорит четвёртый старичок:

– Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

– Да ты кто такой?

– Я, батюшка, звездочёт.

– Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

– Прах вас возьми! Куда мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

– Я, батюшка, умею ершом плавать.

– Ну, милости просим!

Вот поехали они за царицей – золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно

сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчётное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает:

– Чтоб это значило?

– Это всё для тебя наготовлено.

– Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

– Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

– Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

– А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Всё приел и ну кричать:

– Мало хлеба; давайте ещё!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил.

– Мало, – кричит. – Подавайте ещё!

Засуетилась прислуга; бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица – золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять вёрст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнём пышет, и говорит:

– Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

– Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

– Я, батюшка! Моё дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул – вся баня остыла, а в углах снег лежит.

– Ох, батюшки, замёрз, топите ещё три года! – кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу – золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело – ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

– Ну, – говорит Иван Быкович, – совсем пропала! – Потом вспомнил: – Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

– Я, батюшка! Моё дело ребячье, – отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звёзды; одну нашёл лишнюю и ну толкать её! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею – золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» – думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

– Ты, что ль, горазд ершом плавать?

– Я, батюшка, моё дело ребячье! – Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукой и давай её под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею – золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею – золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

– Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

– Нет, погоди, – отвечает Иван Быкович, – не подумавши сказал!

– А что?

– Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка; кто по жёрдочке пройдёт, тот за себя и царицу возьмёт!

– Ладно, Ванюша! Ступай ты наперёд.

Иван Быкович пошёл по жёрдочке, а царица – золотые кудри про себя говорит:

– Легче пуху лебединого пройди!

Иван Быкович прошёл – и жёрдочка не погнулась; а старый старик пошёл – только на середину ступил, так и полетел в яму. Иван Быкович взял царицу – золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

– Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

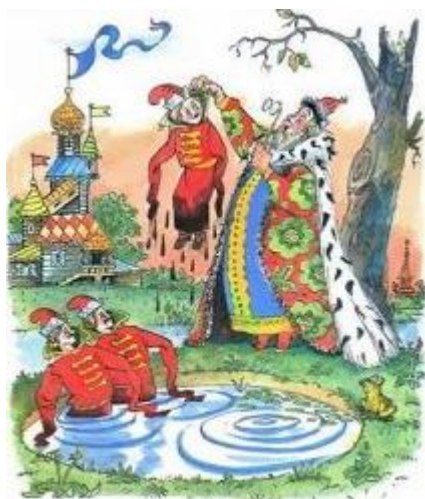
На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не

попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

[1] – Хорт – собака, пес (Ред.).

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Буря-богатырь Иван коровий сын

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король со своей королевою; не имели они детей, а жили вместе годов до десяти, так что король послал по всем царям, по всем городам, по всем народам – по чернети^[1]: кто бы мог полечить, чтоб королева забеременела? Съехались князья и бояры, богатые купцы

и крестьяне; король накормил их досыта, напоил всех допьяна и начал выпрашивать. Никто не знает, не ведаёт, никто не берётся сказать, от чего б королева могла плод понести; только взялся крестьянский сын. Король вынимает и даёт ему полную горсть червонцев и назначает сроку три дня.

□Ну, крестьянский сын взялся взялся, а что сказать – того ему и во сне не снилось; вышел он из города и задумался крепко. Попадается ему навстречу старушка:

– Скажи мне, крестьянский сын, о чём ты задумался?

Он ей отвечает:

– Молчи, старая хрычовка, не досаждай мне!

Вот она вперёд забежала и говорит:

– Скажи мне думу свою крепкую; я человек старый, всё знаю.

Он подумал: «За что я её избранил? Может быть, что и знает».

– Вот, бабушка, взялся я королю сказать, от чего бы королева плод понесла; да сам не знаю.

– То-то! А я знаю; поди к королю и скажи, чтоб связали три невода шёлковые; которое море под окошком – в нём есть щука златокрылая, против самого дворца завсегда гуляет. Когда поймает её король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесёт детище.

□Крестьянский сын сам поехал ловить на море; закинул три невода шёлковые – щука вскочила и порвала все три невода. В другой раз кинул – тож порвала. Крестьянский сын снял с себя пояс и с шеи шёлковый платочек, завязал эти невода, закинул в третий раз – и поймал щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взял и понёс к королю. Король приказал эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Повара щуку чистили да мыли, помой за окошко лили: пришла корова, ополощины^[2] выпила. Как скоро повара щуку изжарили, прибежала

девка-чернавка, положила её на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева.

□ Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Чрез несколько времени приходит со скотного двора скотница, докладывает королю, что корова родила человека. Король весьма удивился; не успел он принять эти речи, как бегут сказать ему, что девка-чернавка родила мальчика точь-в-точь как коровий сын; а вслед за тем приходят докладывать, что и королева родила сына точь-в-точь как коровий – голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчики! Кто растёт по годам, а они растут по часам; кто в год – они в час таковы, кто в три года – они в три часа. Стали они на возрасте, слышали в себе силу могучую, богатырскую, приходят к отцу-королю и просят в город погулять, людей посмотреть и себя показать. Он им позволил, наказал гулять тихо и смирно и дал денег столько, сколько взять смогли.

□ Пошли добрые молодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван девкин сын, третий Буря-богатырь Иван коровий сын; ходили-ходили, ничего не купили. Вот Иван-царевич завидел стеклянные шарики и говорит братьям:

– Давайте, братцы, купим по шарiku да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший.

Братья согласились; кинули жеребий – кому бросать вперёд? Вышло Иван-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын ещё выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит:

– Ну, теперь я над вами старший!

Иван-царевич рассердился:

– Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!

На то Буря-богатырь ему отвечал:

– Видно, так богу угодно, чтоб вы меня слушались.

□Пошли они путём-дорогою, приходят к Чёрному морю, в море клохчет гад. Иван-царевич говорит:

– Давайте, братцы, кто этот гад уймёт, тот из нас будет большой!

Братья согласились. Буря-богатырь говорит:

– Унимай ты, Иван-царевич! Уймёшь – будешь над нами старший.

Он начал кричать, унимать, гад пуще разозлился. Потом начал унимать Иван девкин сын – тоже ничего не сделал. А Буря-богатырь закричал да свою тросточку в воду бросил – гаду как не бывало! И опять говорит:

– Я над вами старший!

Иван-царевич рассердился:

– Не хотим быть меньшими братьями!

– Ну так оставайтесь сами по себе! – сказал Буря-богатырь и воротился в своё отечество; а те два брата пошли – куда глаза глядят.

□Король узнал, что Буря-богатырь один пришёл, и приказал посадить его в крепость; не дают ему ни пить, ни есть трое суток. Богатырь застучал кулаком в каменную стену и закричал богатырским голосом:

– Доложите-ка своему королю, а моему названому отцу, за что про что он меня не кормит? Мне ваши стены – не стены, и решётки – не решётки, захочу – всё кулаком расшибу!

Тотчас докладывают всё это королю; король приходит к нему сам и говорит:

– Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?

– Названный мой батюшка! За что про что ты меня не кормишь, трое суток голодную смертью моришь? Я не знаю за собой никакой вины.

– А куда ты девал моих сыновей, а своих братьев?

Буря-богатырь коровий сын рассказал ему, как и что было:

– Братья живы-здоровы, ничем невредимы, а пошли – куда глаза глядят.

Король спрашивает:

Отчего же ты с ними не пошёл?

– Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшим, а по жеребью мне достаётся.

– Ну хорошо! Я пошлю воротить их.

Буря-богатырь говорит:

– Никто, кроме меня, не догонит их; они пошли в такие места – в змеиные края, где выезжают из Чёрного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые.

Король начал его просить; Буря-богатырь коровий сын собрался во путь во дороженьку, взял палицу боевую и меч-кладенец и пошёл.

□Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; шёл-шёл и догнал братьев близ Чёрного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея.

– Здравствуйте, братцы!

Они ему обрадовались и отвечают:

– Здравствуй, Буря-богатырь, наш старший брат!

– Что, видно, не вкусно вам – что на столбе написано?

Осмотрелся кругом – около моста избушка на курьих ножках, на петуховой головке, к лесу передом, а к ним задом. Буря-богатырь и закричал:

– Избушка, избушка! Устойся да улягся к лесу задом, а к нам передом.

Избушка перевернулась; взошли в неё, а там стол накрыт, на столе всего много – и кушаньев и напитков разных; в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Буря-богатырь говорит:

– Вот, братцы, если б не я, вам бы ничего этого не было.

□Сели, пообедали, потом легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь рассказывает:

– Ну, братцы, сегодняшнюю ночь будет выезжать змей шестиглавый; давайте кидать жеребий, кому караулить?

Кинули – досталось Ивану девкину сыну; Буря-богатырь ему и говорит:

– Смотри же, выскочит из моря кувшинчик и станет перед тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него, да и разбей.

Девкин сын как пришёл, так и уснул. А Буря-богатырь, зная, что его братья – люди ненадежные, сам пошёл; ходит по мосту да тросточкой постукивает. Вдруг выскочил перед ним кувшинчик, так и пляшет; Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил на мелкие части. Тут утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа: змей шестиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

□Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископыт по

сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит. Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост; конь под ним спотыкается.

– Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь али недруга?

Отвечает добрый конь:

– Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын.

– Врёшь, воронье мясо! Его костей сюда ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!

– Ах ты, чудо-юда! – отозвался Буря-богатырь коровий сын, – ворона костей моих не занашивала, я сам здесь погуливаю.

Змей его спрашивает:

– Зачем ты приехал? Сватать моих сестёр али дочерей?

– Нет, брат, в поле съезжаться – родней не считаться; давай воевать.

□Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся – три головы ему снёс, в другой раз остальные снёс. Взял туловище, рассёк да и в море бросил, головы под калиновый мост спрятал, а коня привязал к ногам девкину сыну, меч-кладенец положил ему в головы; сам пошёл в избушку и лёг спать, как ни в чём не бывал. Иван девкин сын проснулся, увидел коня и очень обрадовался, сел на него, поехал к избушке и кричит:

– Вот Буря-богатырь не велел мне смотреть на кувшинчик, а я посмотрел, так господь и коня мне дал!

Тот отвечает:

– Тебе дал, а нам ещё посулил!

□На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему то же сказал об кувшинчике. Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой постукивать – выскочил кувшинчик

и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся и заснул крепким сном. А Буря-богатырь, не надеясь на брата, сам пошёл; по мосту похаживает, тросточкой постукивает – выскочил кувшинчик, так и пляшет. Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил вдребезги. Вдруг утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

□ Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; стал перед ним как вкопанный. Сел на него чудо-юда змей девятиглавый, поехал на калиновый мост; на мост въезжает, под ним конь спотыкается. Бьёт его чудо-юда по крутым бедрам:

– Что, воронье мясо, спотыкаешься – слышишь друга али недруга?

– Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын.

– Врёшь ты! Его костей ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!

– Ах ты, чудо-юда, мосальская губа! – отозвался Буря-богатырь, – сам я здесь другой год разгуливаю.

– Что же, Буря-богатырь, на сёстрах моих али на дочерях сватаешься?

– В поле съезжаться – родней не считаться; давай воевать!

□ Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся – три головы, как кочки, снёс; в другой размахнулся – ещё три головы снёс; а в третий и остальные срубил. Взял туловище, рассёк да в Чёрное море бросил, головы под калиновый мост запрятал, коня привязал к ногам Ивана-царевича, а меч-кладенец положил ему в головы; сам пошёл в избушку и лёг спать, как ни в чём не бывал. Утром Иван-царевич проснулся, увидел коня ещё лучше

первого, обрадовался, едет и кричит:

– Эй, Буря-богатырь, не велел ты мне смотреть на кувшинчик, а мне бог коня дал лучше первого.

Тот отвечает:

– Вам бог дал, а мне только посулил!

□Подходит третья ночь, собирается Буря-богатырь на караул; поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит:

– Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей на́мост, ко мне на подмогу.

Буря-богатырь по́мосту похаживает, тросточкой постукивает – выскочил кувшинчик, так и пляшет; он на него наплевал-нахаркал и разбил на мелкие части. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа: змей двенадцатиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

□Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; прибежал и стал перед ним как вкопанный. Чудо-юда сел на него и поехал; въезжает на́мост, конь под ним спотыкается.

– Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? Или почуял недруга?

– Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын.

– Молчи, его костей сюда ворона в пузыре не занашивала!

– Врёшь ты, чудо-юда, мосальская губа! Я сам здесь третий год погуливаю.

– Что же, Буря-богатырь, на моих сёстрах али дочерях хочешь жениться?

– В поле съезжаться – роднёй не считаться; давай воевать.

– А, ты убил моих двух братьев, так думаешь и меня победить!

– Там что бог даст! Только послушай, чудо-юда, мосальская губа, ты с конём, а я пешком; уговор лучше всего: лежачего не бить.

□Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся – и сразу снёс три головы; в другой разошёлся – змей его сшиб. Богатырь кричит:

– Стой, чудо-юда! Уговор был: лежачего не бить.

Чудо-юда дал ему справиться; тот встал – и сразу три головы полетели, как кочки. Начали они биться, несколько часов возились, оба из сил выбились; у змея ещё три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь коровий сын снял с левой ноги сапог, кинул в избушку – половину её долой снёс, а братья его спят, не слышат; снял с правой ноги сапог, бросил – избушка по бревну раскатилась, а братья всё не просыпаются. Буря-богатырь взял обломок палицы, пустил в конюшню, где два жеребца стояли, и выломил из конюшни дверь; жеребцы прибежали на мост и вышибли змея из седла вон. Тут богатырь обрадовался, подбежал к нему и отсёк ему остальные три головы; змеиное туловище рассёк да в Чёрное море кинул, а головы под калиновый мост засунул. После взял трёх жеребцов, свёл в конюшню, а сам под калиновый мост спрятался, на мосту и кровь не подтёр.

□Братья поутру проснулись, смотрят – избушка вся рассыпалась, тарелка полна крови; вошли в конюшню – там три жеребца; удивляются, куда делся старший брат? Искали его трое суток – не нашли, и говорят промеж себя:

– Видно, они убили друг друга, а тела их пропали; поедem теперь домой!

Только что коней оседлали, приготовились было ехать, Буря-богатырь проснулся и выходит из-под моста:

– Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? Я вас от смерти избавлял, а вы всё спали и на помочь ко мне не приходили.

Тут они пали перед ним на колени:

– Виноваты, Буря-богатырь, большой наш брат!

– Бог вас простит!

Пошептал он над избушкой:

– Как прежде была, так и ныне будь!

Избушка явилась по-прежнему – и с кушаньем и с напитками.

– Вот, братцы, пообедайте, а то без меня, чай, замерли; а потом и поедем.

□Пообедали и поехали в путь в дорожку; отъехавши версты две, говорит Буря-богатырь коровий сын:

– Братцы! Я забыл в избушке плёточку; поезжайте шажком, пока я за нею слетаю.

Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга:

– Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя.

Сам оборотился мушкой, полетел в избушку и сел на печку.

□Немного погодя пришла туда баба-яга и села в передний угол; приходит к ней молодая невестка:

– Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу вперёд и пушу ему день жаркий, а сама сделаюсь зелёным лугом; в этом зелёном лугу оборочусь я колодцем, в этом

колодце станет плавать серебряная чарочка; да ещё оборочусь я тесовой кроваткою. Захотят братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тут-то и разорвёт их по макову зёрнышку!

Говорит ей matka:

– Так их, злодеев, и надобно!

□Приходит вторая невестка:

– Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу наперёд, оборочусь прекрасным садом, через тын будут висеть плоды разные – сочные, пахучие! Захотят они сорвать, что кому понравится; тут-то их и разорвёт по макову зёрнышку!

Отвечает ей matka:

– И ты хорошо вздумала.

Приходит третья, меньшая невестка.

– Ах, матушка, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын вашего сына, а моего мужа. Да я отсмею ему эту насмешку: оборочусь старой избушкой; захотят они обночевать в ней, только взойдут в избушку – тотчас и разорвёт их по макову зёрнышку!

– Ну, невестки мои любезные, если вы их не сгубите, то завтрашний день сама забегу наперёд, оборочусь свиньёю и всех троих проглочу.

□Буря-богатырь, сидя на печи, выслушал эти речи, вылетел на улицу, ударился оземь и сделался опять молодцем, свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит. Буря-богатырь сел на него и поехал; навязал на палочку мочалочку, догоняет своих товарищей и

говорит им:

– Вот, братцы, без какой плёточки я жить не могу!

– Эх, брат, за какую дрянью ворочался! Съехали бы в город, купили бы новую.

□Вот едут они степями, долинами; день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила! Вот и зелёный луг, на лугу трава муравая, на траве кровать тесовая.

– Брат Буря-богатырь, давай лошадей накормим на этой травке и сами отдохнём на тесовой кроватке; тут и колодезь есть – холодной водицы попьём.

Буря-богатырь говорит своим братьям:

– Колодезь стоит в степях и в далях; никто из него воды не берёт, не пьёт.

Соскочил с своего коня доброго, начал этот колодезь сечь и рубить – только кровь брызжет; вдруг сделался день туманный, жара спала, и пить не хочется.

– Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь.

Поехали они дальше.

□Долго ли, коротко ли – едут мимо прекрасного сада. Говорит Иван-царевич старшему брату:

– Позволь нам сорвать по яблочку.

– Эх, братцы, сад стоит в степях, в далях; может быть, яблоки-то старинные да гнилые; коли съешь – ещё хворь нападёт. Вот я пойду посмотрю наперёд!

Сошёл он в сад и начал сечь и рубить, перерубил все деревья до единого. Братья на него рассердились, что по-ихнему не делает.

□Едут они путём-дорогою, пристигает их тёмная ночь; подъезжают

к одной хижине.

– Брат Буря-богатырь, вишь, дождик заходит, давай обночует в этой хижинке.

– Эх, братцы, лучше раскинем палатки и в чистом поле обночует, чем в этой хижине; эта хижина старая, взойдем в неё – она нас задавит; вот я сойду да посмотрю.

Сошёл он в эту избушку и начал рубить её – только кровь прыщет!

– Сами видите, какая эта избушка – совсем гнилая! Поедьте, лучше вперёд.

Братья ворчат про себя, а виду не подадут, что сердятся. Едут дальше; вдруг дорога расходится надвое. Буря-богатырь говорит:

– Братцы, поедьте по левой дороге.

Они говорят:

– Поезжай куда хочешь, а мы с тобой не поедим.

И поехали они вправо, а Буря-богатырь влево.

□Приезжает Буря-богатырь Иван коровий сын в деревню; в этой деревне двенадцать кузнецов работают. Вот он крикнул-свистнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

– Кузнецы, кузнецы! Подите все сюда.

Кузнецы услышали, все двенадцать к нему прибежали:

Что тебе угодно?

– Обтягивайте кузницу железным листом.

Они кузницу духом обтянули.

– Куйте, кузнецы, двенадцать прутьев железных да накаливайте клещи докрасна! Прибежит к вам свинья и скажет: кузнецы,

кузнецы, подайте мне виноватого; не подадите мне виноватого, я вас всех и с кузницей проглочу! А вы скажите: ах, матушка свинья, возьми от нас этого дурака, он давно надоел нам; только высунь язык в кузницу, так мы его на язык тебе посадим.

□Только успел Буря-богатырь им приказ отдать, вдруг является к ним свинья большущая и громко кричит:

– Кузнецы, кузнецы! Подайте мне виноватого.

Кузнецы все враз отвечали:

– Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака, он нам давно надоел; только высунь язык в кузницу, мы тебе на язык его и посадим.

Свинья была проста, недогадлива, высунула язык на целую сажень; Буря-богатырь схватил её за язык горячими клещами и вскричал кузнецам:

– Возьмите прутья железные, катайте её хорошенечко!

До тех пор её колотили, пока рёбра оголились.

– А ну, – сказал Буря-богатырь, – возьмите-ка её подержите: дайте я её попотчую!

Схватил он железный прут, как ударит её – так все рёбра пополам.

□Взмолилась ему свинья:

– Буря-богатырь, пусти мою душеньку на покаяние.

Буря-богатырь говорит:

– А зачем моих братьев проглотила?

– Я твоих братьев сейчас отдам.

Он схватил её за уши; свинья харкнула – и выскочили оба брата и с лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнял её и со всего

размаху ударил о сырую землю; свинья рассыпалась аредом^[3].
Говорит Буря-богатырь своим братьям:

– Видите ли, глупцы, где вы были?

Они пали на колени:

– Виноваты, Буря-богатырь коровий сын!

– Ну, теперь поедemте во путь во дороженьку; помехи нам никакой не будет.

□Подъезжают они к одному царству – к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки. Король поутру проснулся, поглядел в подзорную трубу, увидал палатки и призывает к себе первого министра:

– Поди, братец, возьми с конюшни лошадь, поезжай в заповедные луга и узнай, что там за невежи приехали, без моего позволения палатки раскинули и огни разложили в моих заповедных лугах?

□Приехал министр и спрашивает:

– Что вы за люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучие богатыри?

Отвечает Буря-богатырь коровий сын:

– Мы сильномогучие богатыри, приехали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтоб отдавал свою дочь за Ивана-царевича в супружество; а коли не отдаст дочери – чтобы высылал войско.

Спрашивает король у своей дочери, пойдёт ли она за Ивана-царевича?

– Нет, батюшка, я за него идти не хочу; вышлите войско.

Сейчас в трубы затрубили, в тимпаны забили, войско скопилось и отправилось в заповедные луга; столько выпало войска, что Иван-царевич и Иван девкин сын испугались.

□В то время Буря-богатырь коровий сын варил пустоварку к завтраку и мешал поварешкой эту кашицу; вышел, как махнул поварешкою^[4] – так половину войска и положил; вернулся, помешал кашицу, вышел да махнул – и другую половину на месте положил, только оставил одного кривого да другого слепого.

– Доложите, – говорит, – королю, чтобы выдавал свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замуж; а не отдаст, так войско бы высылал, да и сам выезжал.

Кривой и слепой приходят к своему королю и говорят:

– Государь! Буря-богатырь приказал тебе доложить, чтобы отдавал свою дочь за Ивана-царевича в замужество; а сам-то он больно сердит был, всех нас поварёшкой перебил.

Приступал король к своей дочери:

– Дочь моя любезная! Ступай за Ивана-царевича замуж.

Дочь ему отвечает:

– Делать нечего, надо будет идти за него. Прикажи, батюшка, за ним карету послать.

□Король тотчас карету послал, а сам у ворот стоит-дожидается. Иван-царевич приехал с обоими братьями; король принял их с музыкой, с барабанным боем, учтиво и ласково, посадил за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. Тут Буря-богатырь шепнул Ивану-царевичу:

– Смотри, Иван-царевич, королевна подойдёт и спросится у тебя: позволь мне уйти на один часок! – а ты скажи: ступай хоть на два!

Посидевши несколько времени, подходит королевна к Ивану-царевичу и говорит:

– Позволь мне, Иван-царевич, выйти в другую горницу – переодеться.

Иван-царевич отпустил её; она вышла из комнат вон, а Буря-богатырь за ней взади тихим шагом идёт.

□ Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на́ море; Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом. Королевна прилетела на́ море, ударилась оземь, оборотилась красной девицей и говорит:

– Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородушка! Поговорим-ка с тобою.

Дедушка высунулся из синя моря:

– Что тебе, внученька, надобно?

– Сватается за меня Иван-царевич; не хотелось бы мне за него замуж идти, да всё наше войско побито. Дай мне, дедушка, с твоей головы три волоска; так я покажу Ивану-царевичу: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка?

Дедушка дал ей три волоска; она ударилась оземь, оборотилась голубкой и полетела домой; а Буря-богатырь ударился оземь, оборотился такой же девицей и говорит:

– Дедушка, дедушка! Выйди ещё, поговори со мною, – позабыла тебе словечко сказать.

Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени:

– На́ тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдёт к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову.

□ Вот подходит королевна, показывает Ивану-царевичу три волоса:

– Угадай, царевич, с какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замуж, а не узнаешь – не прогневайся!

А Иван-царевич вынул из-под полы голову, ударил об стол:

– Вот тебе и корень!

Королевна сама про себя подумала:

– Хороши молодцы!

Просится:

– Позволь, Иван-царевич, пойти переодеться в другой горнице.

Иван-царевич её отпустил; она вышла на крыльцо, ударилась оземь, оборотилась голубкою и опять полетела на́ море. Буря-богатырь взял у царевича голову, вышел на двор, ударил эту голову об крыльцо и говорит:

– Где прежде была, там и будь!

Голова полетела, прежде королевны на место поспела и срослась с туловищем.

□Королевна остановилась у моря, ударилась оземь, оборотилась красной девицей:

– Дедушка, дедушка! Выйди, поговори со мною.

Тот вылезает:

– Что, внученька, тебе надобно?

– Никак твоя голова там была?

– Не знаю, внученька! Никак я крепко спал.

– Нет, дедушка, твоя голова была там.

– Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те́ поры, видно, мне и сорвали голову.

Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетела домой; переделась в другое платье, пришла и села с Иваном-царевичем

рядом. На другой день поехали они к венцу закон принять; как скоро от венца приехали, Буря-богатырь повёл Ивана-царевича показывать, где ему спальня приготовлена, подаёт ему три прута: один железный, другой медный, а третий оловянный, и говорит:

– Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевой на твоё место.

□Царевич согласился. Повёл король молодых в постель укладывать. В то время Буря-богатырь коровий сын сменил царевича и как лёг, так и захрапел; наложила королева на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочил из-под неё, взял железный прут и начал её бить; до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный, и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным. Замолилась королева, великими клятвами заклалась, что не станет таких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошёл к Ивану-царевичу:

– Ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня выучена: которые были приготовлены три прута, все об неё изломал. Теперь живите благополучно, любите друг друга и меня не забывают.

[1] – Чернеть – простой народ, чернь.

[2] – Помои.

[3] – Аред – нечистый дух, колдун.

[4] – Уполовник.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Фролка-сидень

Жил-был царь, у него было три дочери, да такие красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером написать; любили они по вечерам гулять в своем саде, а сад был большой и славный. Вот змий черноморский и повадился туда летать. Однажды дочери царские припоздали в саду, засмотрелись на цветы; вдруг откуда ни взялся змий черноморский и унёс их на своих огненных крыльях. Царь ждать-пождать – нет дочерей! Послал служанок искать их в саду, но всё было напрасно; служанки не нашли царевен. Утром царь сделал тревогу, народу собралось множество. Тут царь и говорит:

– Кто разыщет моих дочерей, тому сколько угодно дам денег.

□ Вот и избралось трое: солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерёма; уговорились с царём и пустились искать царевен. Шли они, шли и пришли в дремучий, густой лес. Только взошли в него, сильный сон стал одолевать их. Фролка-сидень вытащил из кармана табакерку, постучал, открыл её и пхнул в нос охапку табаку; потом зашумел:

– Эй, братцы, не уснём, не воздремлем! Идите дальше.

□ Вот и пошли; шли-шли и приходят, наконец, к огромному дому, а дом этот был пятиглавого змия. Долго они стучали в ворота и не могли достучаться. Вот Фролка-сидень оттолкнул солдата и Ерёму:

– Пустите-ка, братцы!

Понюхал табаку и стукнул в двери так сильно, что расшиб их. Тут вошли они на двор, сели в кружок и собираются закусить чем бог послал. А из дома выходит девица, собою такая красавица; вышла и говорит:

– Зачем вы, голубчики, сюда зашли? Ведь здесь живёт прелихой змий; он вас съест! Счастливы вы, что его теперь дома нет.

Фролка отвечает ей:

– Мы сами его съедим!

Не успел вымолвить эти слова, вот и летит змий, летит и рычит:

– Кто моё царство разорил? Ужель в свете есть мне противники? Есть у меня один противник, да его и костей сюда ворон не занесёт!

– Ворон меня не занесёт, – сказал Фролка, – а добрый конь завезёт!

Змий, услышав такие слова, сказал:

– Мириться, что ли, али драться?

– Не мириться я пришёл, – говорит Фролка, – а драться!

□ Вот разошлись они, соступились, и Фролка с одного маху срубил все пять голов змию, взял и положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Тут девица обрадовалась и говорит этим молодцам:

– Возьмите меня, голубчики, с собою.

– Да ты чья? – спросили они.

Она говорит, что царская дочь; Фролка также рассказал ей, что было нужно; вот и сошлось у них дело! Царевна позвала их в хоромы, накормила-напоила и просит, чтоб они выручили и других её сестер. Фролка отвечал:

– Да мы за этим и посланы!

Царевна рассказала, где живут её сестры:

– У средней сестры ещё страшнее моего: с нею живёт змий семиголовый.

– Нужды нет! – сказал Фролка. – Мы и с тем справимся; разве долго покопаюсь я с двенадцатиглавым змием.

Распростились и пошли дальше.

□Приходят к средней сестре. Палаты, в которых она заключена была, огромные, а вокруг палат ограда высокая, чугунная. Вот подошли они и начали искать ворота; нашли, Фролка что ни есть силы бухнул в ворота, и ворота растворились; вошли они на двор и опять по-прежнему сели позакусить. Вдруг летит семиглавый змий.

– Что-то русским духом пахнет! – говорит он. – Ба! Это ты, Фролка, сюда зашёл. Зачем?

– Я знаю, зачем! – отвечал Фролка, сразился с змием и с одного маху сшиб ему все семь глав, положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Потом вошли они в палаты; проходят комнату, другую и третью, в четвёртой увидели среднюю царскую дочь – сидит на диване. Как рассказали они ей, каким образом и для чего сюда пришли, она повеселела, начала угощать их и просила выручить от двенадцатиглавого змия её меньшую сестру. Фролка сказал:

– А как же! Мы за этим и посланы. Только что-то робеет сердце; ну, да авось бог! Поднеси-ка нам ещё по чарочке.

□Вот выпили они и пошли; шли-шли и пришли к оврагу крутому-раскрутому. На другой стороне оврага стояли вместо ворот огромные столбы, а к ним прикованы были два страшные льва и рычали так громко, что Фролка только один устоял на ногах, а товарищи его от страха попадали на землю. Фролка сказал им:

– Я не такие страсти видал – и то не робел, пойдёмте за мною! – и пошли дальше.

□Вдруг вышел из палат старец – примерно лет семидесяти, увидал их, пошёл к ним навстречу и говорит:

– Куда вы идёте, мои родимые?

– Да вот в эти палаты, – отвечал Фролка.

– И, мои родимые! Не на добро вы идёте; в этих палатах живёт двенадцатиглавый змий. Теперь его нет дома, а то бы он вас сейчас поел!

– Да нам его-то и нужно.

– Когда так, – сказал старик, – ступайте; я проведу вас туда.

Старик подошёл ко львам и начал их гладить; тут Фролка пробрался с своими товарищами на двор.

□ Вот вошли они и в палаты; старик повёл их в ту комнату, где жила царевна. Увидала она их, проворно скочила с кровати, подошла и порасспросила: кто они таковые и зачем пришли? Они рассказали ей. Царевна угостила их, а сама уж начала сряжаться^[1]. Только стали они выходить из хором – вдруг видят в версте от них летит змий. Тут царская дочь бросилась назад в хоромы, а Фролка с товарищами пошёл навстречу и сразился с змием. Змий сначала очень шибко напал на них, но Фролка – парень расторопный! – успел одержать победу, сшиб ему все двенадцать голов и кинул их в овраг. Потом вошли назад в хоромы и начали гулять от радости пуще прежнего; а после отправились в путь и зашли за другими царевнами и все вместе прибыли на родину. Царь очень обрадовался, растворил им свою царскую казну и сказал:

– Ну, верные мои слуги, – берите, сколько угодно, себе денег за работу.

Фролка был тороват: принёс свою большую шапку треуху; солдат принёс свой ранец, а Ерёма принёс куриное лукошко. Вот Фролка первый стал насыпать, сыпал-сыпал, треуха и прорвалась, и серебро утонуло в грязь. Фролка опять начал сыпать: сыпет, а из треухи валится!

– Нечего делать! – сказал Фролка. – Верно, вся царская казна за меня пойдёт.

– А нам-то что останется? – спросили его товарищи.

– У царя достанет казны и на вас!

Ерёма давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдат ранец, насыпали и пошли себе домой. А Фролка с треухом остался подле царской казны и поныне сидит да насыпает. Когда насыпет треуху, тогда дальше скажу; а теперь нет мочи и духу.

[1] – Снаряжаться, готовиться к отъезду.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Три царства – медное, серебряное и золотое

Бывало да живало – жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый – Егорушко Залёт, второй – Миша Косолапый, третий – Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, и он шёл да шёл – много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся^[1]. Потом встретил на дороге змея о трёх головах и испугался, а змей говорит ему:

– Куда, добрый человек, направился?

Егорушко говорит:

– Пошёл свататься, да не могу невесты приискать.

Змей говорит:

– Пойдём со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?

□ Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит:

– Отвори камень; там чего желаешь, то и получишь.

Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему:

– Дак нет же тебе невесты!

И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всём. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашка Запечного, тому ничего не сделать!

□ А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шёл да шёл, и встретил змея о трёх головах. Спросил его змей:

– Куда направился, добрый человек?

Он сказал:

– Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черёд выпал.

– Пожалуй, пойдём, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?

□ Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал – с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ неё утверждены ремни. Вот змей и говорит:

– Ивашко садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдёшь и дойдёшь до трёх царств, а в каждом царстве увидишь по девице.

□ Ивашко спустился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до медного царства; тут зашёл и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит:

– Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто^[2] видишь; да скажись, откуда идёшь и куда?

– Ах, девица красная! – сказал Ивашко. – Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать.

Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: – если милость твоя будет – прошу выйтить за меня.

– Нет, добрый человек, – сказала девица, – ступай ты вперёд, дойдёшь до серебряного царства: там есть девица ещё прекраснее меня! – и подарила ему серебряный перстень.

□ Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до серебряного царства; зашёл сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом:

– Здорово, красная девица!

Она отвечала:

– Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуль, и какими делами сюда зашёл?

– Ах, прекрасная девица! – сказал Ивашко. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать.

Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошёл искать невесты, и просил её замуж за себя. Она сказала ему:

– Ступай вперёд, там есть ещё золотое царство, и в том царстве есть ещё прекраснее меня девица, – и подарила ему золотой перстень.

□Ивашко распростился и пошёл вперёд, шёл да шёл, и дошёл до золотого царства, зашёл и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда и куда идёт?

– Ах, красная девица! – сказал он. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать.

Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать:

– Иду я, себе невесту ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдём со мною.

Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

□Шли да шли, и дошли до серебряного царства – тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства – и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

□Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и

затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащили и его, тащили-тащили, да как увидели, что это – Ивашко, подумали:

– Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы! – и обрезали ремни; Ивашко упал вниз.

Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошёл вперёд; шёл да шёл, и увидел: сидит на пне старик – сам с четверть, а борода с локоть – и рассказал ему всё, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше:

– Дойдёшь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь.

□Вот Ивашко шёл да шёл, и дошёл до избушки, зашёл туда и сказал:

– Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?

– Фу-фу! – проговорил Идолище. – Русскую коску^[3] никто не звал, сама пришла. Ну, пойдёшь же ты за тридцать озёр; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живёт яга-баба; у ней есть орёл-птица, и она тебя вынесет.

Вот добрый молодец шёл да шёл, и дошёл до избушки; зашёл в избушку, яга-баба закричала:

– Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?

Тогда Ивашко сказал:

– А вот, бабушка, пришёл я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.

– Иди же ты, – сказала яга-баба, – в садок; у дверей стоит

караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери – тогда орёл встрепенётся крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

□Ивашко сделал всё по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел-летел, орёл оглянулся – Ивашко дал ему кусок мяса; летел-летел и часто давал орлу мяса, уж скормил всё, а ещё лететь не близко. Орёл оглянулся, а мяса нет; вот орёл выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришёл Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

[1] – Т. е. не нравятся.

[2] – Пусто, незанято.

[3] – Костку, кость.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Купеческая дочь и служанка

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в

некое царство к царю, привёз красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово:

– Что, – говорит, – я по себе невесты не найду?

Вот купец и стал говорить этому царю:

– У меня есть дочка хороша; так хороша, что человек ни вздумает, то она узнает!

То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам:

– Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери! – а в письме написано: «Убирайся венчаться».

□Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинакое платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и говорит:

– Пойдём, по острову погуляем!

Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, вырезала у ней глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит:

– Господа жандармы! Уходилась на море моя служанка.

А они в ответ:

– Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!

Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает:

– Должно быть, купец меня обманул! Это не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Вовсе ничего не умеет делать!

□Живёт он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стережёт старичок скотину; стала ему говорить:

– Где ты, дедушка, находишься?

– Я живу в избушке.

– Прими и меня с собою.

Старичок принял её. Она и говорит:

– Дедушка, отгони скотину-то!

Он её послушал – отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку:

– Возьми ты бархату и шёлку в долг.

Старик пошёл. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принёс он слепенькой бархату и шёлку. Она ему говорит:

– Дедушка, ложись спать и ухом не веди; а мне что день, что ночь – всё равно!

И стала из бархату и шёлку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть – не нагладишься.

□Поутру рано будит слепенькая старика и говорит:

– Поди, отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать, – ничего не бойся!

Вот он пришёл во дворец, принёс корону. Тут все над этой короной сдивовались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать её, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что царь ни говорит, а он своё дело правит.

Царь скричал своим жандармам:

– Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!

А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и даёт его царю. Царь очень обрадовался:

– Ах, как ты меня выручила, царевнушка! – и отдал старику этот глаз.

□Старик взял и пошёл со дворца; пришёл в свою избушку. Слепая спрашивает:

– Взял ли ты, дедушка, мой глазок?

Он говорит:

– Взял.

Вот она приняла у него, вышла на зорю, поплевала на глазок, приставила – и стала видеть.

□Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шёлк и за бархат и ещё приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принёс купеческой дочери и бархату и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому же царю, а сама приказывает:

– Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял, – скажи: мне бог дал!

□Пришёл старик во дворец; там все сдивовались; первая корона была хороша, а эта ещё лучше. И говорит царь:

– Что ни давать, а купить надо!

– Дай мне глаз, – просит старик.

Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царицы тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался, благодарит её:

– Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!

Спрашивает царь старичка:

– Где ты, старичок, берёшь эти короны?

– Мне бог дал! – сказал ему старик и пошёл со дворца.

Приходит в избушку, отдаёт глазок слепенькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазок, приставила его – и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном доме, и завела она гулянья.

□Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет её к себе в гости. Вернулся к себе в дом и рассказывает своей царице:

– Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нем девица! Кто что ни вздумает, то она узнает!

Царица догадалась и говорит сама себе:

– Это, верно, она, которой я глаза вырезала!

□Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовет её в гости. Она стала убираться и говорит старичку:

– Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай – всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном доме, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживе не будет – убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони.

Старичок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили её и повезли. Привозят её в гости, а царица на неё и не смотрит – сейчас застрелила бы её.

□Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам:

– Как вы эту девку домой повезёте, так тут же иссеките её в мясные части и выньте у неё сердце да привезите ко мне!

Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уж знает, что они хотят делать, и говорит им:

– Секите ж меня скорее!

Они иссекли её, вынули у неё сердце, а самую в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном доме, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошёл искать её; нашел в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

□А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место – нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать:

– Ездил-ездил, не нашёл ни дома, ни девицы, а только один сад!

Вот царица услышала об этом; вышла на двор и говорит жандармам:

– Ступайте вы, посекуте на том месте сад!

Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

□Не терпится царю – хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидал в нём мальчика – и какой хорошенький мальчик!

– Верно, – думает – господа гуляли да потеряли.

Взял его во дворец, привёз в свои палаты и говорит царице:

– Смотри, матушка, не расквили^[1] его.

А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не

забавят: и так и сяк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, зачал бегать по комнатам.

– Ах, матушка, – говорит царь царице, – как ты его утетила!

□Мальчик побёг на двор, а царь за ним; он на улицу – и царь на улицу, он в поля – и царь в поля, он в сад – и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему:

– Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя – моя служанка.

Вот и приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги:

– Прости меня!

– А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!

Царь и говорит:

– Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и пустите её в поля.

Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали её кони по чистому полю. А царь с молодой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь её завсегда любовался и в золоте водил.

[1] – Не раздразни.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван-царевич и Марфа-царевна

У одного царя много лет содержался мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, хитрец был, важный человек. Сын царю^[1] Иван-царевич был маленький, ходил мимо тюрьмы. Этот старик подкликал его к себе и взмолился ему:

– Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиться!

Иван-царевич ещё ничего не знал – был маленький, почерпнул воды и подал ему: старика с этого в тюрьме не стало, ушёл. Дошла эта весть и до царя. Царь приказал Ивана-царевича за это дело выгнать из царства. Царское слово – закон: Ивана-царевича выгнали из царства; пошёл он куда глаза глядят.

Шёл долго; наконец приходит в друго царство прямо к царю, просится в службу. Царь его принял, приказал сделать конюхом. Он только спит на конюшне, а за конями не ходит; конюшенный

староста не однажды бил его. Иван-царевич всё терпел. Какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну. Этот царь ушёл с войсками, а царством осталась править дочь его Марфа-царевна. Она и прежде замечала Ивана-царевича, что он не простого роду; за то и послала его в какое-то место губернатором.

□Иван-царевич уехал, живёт там, правит делом. Один раз поехал он на охоту; только выехал за жи́ло^[2] – неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный:

– А, здравствуй, Иван-царевич!

Иван-царевич ему поклонился. Старик зовёт его:

– Поедем, – говорит, – ко мне в гости.

Поехали. Старичок ввёл его в богатый дом, крикнул малой дочери:

– Эй, давай-ка нам пить и есть, да и полувёдерную чашу вина!

Закусили; вдруг дочь приносит полувёдерную чашу вина и подносит Ивану-царевичу. Он отказывается, говорит:

– Мне не выпить!

Старик велит браться; взял чашу, и откуда у него сила взялася – на один дух так и выпил это вино!

□Потом старик созвал его разгуляться; дошли до камня в пятьсот пудов. Старик говорит:

– Поднимай этот камень, Иван-царевич!

Он думает себе:

– Где мне поднять такой камень! Однако попробую.

Взял и легко перекинул; сам опять и думает:

– Откуда же у меня берётся сила? Небось этот старик в вине её мне подаёт.

Походили сколько времени и пошли в дом. Приходят: старик средней дочери крикнул ведро вина принести. Иван-царевич смело взялся за чашу вина, выпил на один дух. Опять пошли разгуляться, дошли до камня в тысячу пудов. Старик говорит Ивану-царевичу:

– Ну-ка, переметни этот камень!

Иван-царевич тотчас схватил камень и бросил, и думает себе: «Эка сила хочет во мне быть!»

□Воротились опять в дом, и опять старик крикнул большой дочери принести полтора ведра чару зелена вина. Иван-царевич и это выпил на один дух. Пошли со стариком разгуляться. Иван-царевич легонько метнул камень в полторы тысячи пудов. Тогда старик дал ему скатёртку-самовёртку и говорит:

– Ну, Иван-царевич, в тебе теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели переделать, тебя оно не станет поднимать; стулья надо другие же; под полы можно наставить чаще подстоек^[3]. Ступай с богом!

Все люди засмеялись, как увидели, что губернатор с охоты идёт пешком, а лошадь ведёт в поводу. Он пришёл домой; под полы велел наставить стоек, стулья все переделали, стряпок^[4], горничных прогнал, один себе живёт, как пустынный. И все дивятся, как живёт он голодом; никто ему не стряпает! Даром что его питает скатёртка-самовёртка.

В гости ходить ни к кому он не стал, да и как ходить? Ничего его не поднимало в домах.

□Царь между тем с походу воротился, узнал, что Иван-царевич живёт губернатором, приказал его сменить и сделать опять конюхом. Нечего делать – Иван-царевич стал жить конюхом. Один раз конюшенный староста стал его куда-то наряжать, да и

ударил; Иван-царевич не стерпел, как схватил его сам, так голову и отшиб. Дошло дело это до царя; привели Ивана-царевича.

– Почто ты ушиб старосту? – спросил царь.

– Он сам наперёд ударил меня; я не шибко^[5] и отплатил ему, да как-то по голове: голова и отпала.

Другие конюхи сказали то же – задел наперёд староста, а Иван-царевич ударил его нешибко. Ничего не сделали с Иваном-царевичем, только сменили из конюхов в солдаты; он и тут начал жить.

□ Не чрез долгое времени приходит к царю мужичок сам с ноготь, борода с локоть, и подаёт письмо за тремя чёрными печатями от Водяного царя; тут написано: ежели царь в такой-то день и на такой-то остров не привезёт дочь свою Марфу-царевну взамуж^[6] за сына Водяного царя, то он людей всех прибьёт и всё царство огнём сожгёт; а за Марфой-царевной будет трёхглавый змий. Царь прочитал это письмо, подал от себя другой ответ к Водяному царю, что дочь отдать согласен; проводил старика и созвал сенаторов и думных дьяков думу думать, как отстоять дочь от трёхглавого змия? Ежели не послать её на остров, то всему царству от Водяного царя будет смерть. Кликнули клич, не выищется ли такой человек, который бы взялся выручать от змия Марфу-царевну? За того её царь и взамуж отдаст.

□ Нашёлся какой-то поддергайко^[7], взял роту солдат, повёз Марфу-царевну; привозит на остров, оставил её в хижине, а сам остался дожидаться змия на улице. Между тем Иван-царевич узнал, что Марфу-царевну увезли к Водяному царю, собрался и поехал на остров; пришёл в хижину, Марфа-царевна плачет.

– Не плачь, царевна! – сказал он ей. – Бог милостив!

Сам лёг на лавку, голову положил на колена Марфе-царевне и уснул. Вдруг змий и начал выходить, воды за ним хлынуло на три

аршина. Барин с солдатами стоял тут; как начала вода прибывать, он и скомандовал им:

– Марш на лес!

Солдаты все сбились на лес. Змий вышел и идёт прямо в хижину. Марфа-царевна увидела, что змий идёт за ней, начала Ивана-царевича будить; тот соскочил, на один раз отсёк все три головы у змия, а сам ушёл. Барин повёз Марфу-царевну домой к отцу.

□ Не чрез много времени старик сам с ноготь, борода с локоть выходит опять из воды и несёт от Водяного царя письмо за шести чёрными печатями, чтобы царь привёз дочь на тот же остров шестиглавному змию; а ежели он не отдаст Марфу-царевну, то Водяной царь грозился всё царство потопить. Царь отписал опять, что согласен отдать Марфу-царевну. Маленький старичонко ушёл. Царь начал кликать клич; послали везде бумаги: не найдётся ли такой человек, который бы избавил Марфу-царевну от змия? Тот же барин опять явился, говорит:

– Я, ваше царско величество, избавлю; только дайте роту солдат.

– Да больше не надо ли? Теперь змий о шести главах.

– Будет^[8]. Мне и этого много.

□ Собрались все, повезли Марфу-царевну; а Иван-царевич узнал, что Марфа-царевна опять в напасти, за добродетель её, что его сделала губернатором, пошёл туда ли, поехал ли; так же застал Марфу-царевну в хижине, входит к ней. Она уж ждёт его; только увидела – обрадовалась. Он лёг и уснул. Вдруг шестиглавый змий и начал выходить; воды хлынуло на шесть аршин. Барин с солдатами ещё сперва^[9] сидел на лесу^[10]. Змий вошёл в хижину, Марфа-царевна разбудила Ивана-царевича; вот они схватились, бились-бились, Иван-царевич отсёк змию голову, другу, третью, и все шесть, и сбросал их в воду, а сам будто ни в чём не

бывал – пошёл. Барин с солдатами слез с лесу, поехал домой, доносит царю, что бог помог отстоять Марфу-царевну; и её, видно, настрашал чем-то этот барин: она не смела сказать, что не он отстаивал её. Барин стал приступать, чтобы сделали свадьбу. Марфа-царевна велит подождать.

– Дайте, – говорит, – мне поправиться со страху; я и то вон как напугалась!

□Вдруг опять тот же старик сам с ноготь, борода с локоть выходит из воды и несёт письмо с девяти чёрными печатями, чтобы царь немедленно послал Марфу-царевну на такой-то остров и в такой-то день к девятиглавому змию, а ежели не пошлёт, то всё его царство будет потоплено. Царь опять отписал, что согласен; сам начал искать такого человека, какой бы избавил царевну от девятиглавого змия. Тот же барин опять выискался и поехал с ротой солдат и с Марфой-царевной.

□Иван-царевич услышал это, собрался и отправился туда же, а Марфа-царевна там ждёт уж его. Он пришёл; она обрадовалась, стала его спрашивать, какого он роду, кто такой, как зовут? Он ничего не сказал, лёг и уснул. Вот девятиглавый змий и начал выходить, воды поднял на себе на девять аршин. Барин опять скомандовал солдатам:

– Марш на лес!

Залезли. Марфа-царевна будит Ивана-царевича, не может разбудить; змий уж близко у порогу! Она слёзно заплакала; Ивана-царевича разбудить всё не может. Змий уж подползает, только схватить Ивана-царевича! Он всё спит. У Марфы-царевны был ножичек перочинный; она им и резнула по щеке Ивана-царевича. Он проснулся, соскочил, схватился со змием биться-барахтаться. Вот змий начал издолять^[11] Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, схватил змия; отсекли двоймя ему все головы, сбросали в воду и ушли. Барин пуще^[12] того обрадовался; соскакали с лесу, отправились в своё царство, и он неотступно стал просить

царя сделать свадьбу. Марфа-царевна отказывалась:

– Подождите немного да дайте мне оправиться; я и то вон как испугалась!

□Старичок сам с ноготок, борода с локоток опять принёс письмо. Водяной царь требует виноватого. Барину и не хотелось было ехать к Водяному царю, да нечего делать – послали. Снарядили корабль и отправились (а Иван-царевич тут на флоте служил, как-то попал тут же на корабль); плывут. Вдруг навстречу им корабль – как птица летит, только и кричат:

– Виноватого, виноватого! – и пробежал мимо.

Немного отплыли, другой корабль навстречу, и опять кричат:

– Виноватого, виноватого!

Иван-царевич указал на барина; уж они его били-били – до полусмерти! Проехали.

□Вот приезжают они к Водяному царю. Водяной царь приказал натопить докрасна чугунову ли, железу ли баню и виноватого посадить туда. Барин перепугался, душа в пятки ушла! Смертонька приходит! А у Ивана-царевича остался с тех кораблей^[13]какой-то человек, увидел, что Иван-царевич не простого роду, и стал у него служить. Иван-царевич и послал его:

– Ступай, просиди в бане.

Тот сейчас сбегал; ему – дьявол то и есть – ничего там не делается, прибежал обратно невредим. Виноватого опять потребовали, теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. Уж его ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать. Поехали обратно.

□Барин дома пуще ещё стал гордиться и не отходит от царя, приступает, чтобы сделал свадьбу. Царь просватал; назначили день, когда быть свадьбе. Барин – где поднялся! Рукой не

достанешь! Никто близко не подходи! А царица говорит отцу:

– Батюшка! Вели собрать всех солдат; я хочу посмотреть их.

Тотчас солдат собрали. Марфа-царица и пошла, всех обошла и доходит до Ивана-царевича, взглянула на щеку и видит рубец, как она ножичком его резнула; берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт к отцу:

– Вот, батюшка, кто меня избавил от змиев; я не знала – кто он, а теперь узнала по рубцу на щеке. Барин-от сидел с солдатами на лесу!

Тут же солдат тех спросили: сидели ли они на лесу? Они сказали:

– Правда, ваше царско величество! Барин был еле жив, не годен!

Того разу его разжаловали и послали в ссылку; а Иван-царевич обвенчался на Марфе-царице, стал жить да быть и хлеб жевать.

[1] – Вместо: царской.

[2] – За деревню или город, т. е. в поле.

[3] – Подставок.

[4] – Стряпка – кухарка, стряпать – готовить кушанье.

[5] – Шибко – крепко.

[6] – Замужество.

[7] – Выскочка; поддерживать – намекать с укоризною на чей-либо счёт, обиняками унижать или осмеивать.

[8] – Довольно.

[9] – Прежде.

[10] – На дереве (Ред.).

[11] – Одолевать.

[12] – Пуще – больше, сильней.

[13] – Что повстречались – с кораблём Водяного царя.

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Королевич и его дядька

Жил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был всем хорош – и лицом и нравом, да отец-то его не больно: всё его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать. Увидел он раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами.

– Стой старик! Откудова ты?

– Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у мужика-лешего.

– А как вы зверей ловите?

– Да леший-мужик наставит лёсы^[1], зверь глуп – и попадёт.

– Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам; укажи мне, где лёсы ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего-мужика поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои лѣсы поделал.

□ Вот сидит мужик-леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идёт мимо столба, а мужик леший кричит ему:

– Королевское дитя! Выпусти меня; я тебе сам пригожусь.

– Да как же я тебя выпущу?

– А пойдн к своей матери и скажн ей: матушка моя любезная, пощн у меня вшей в головке. Да головку-то положь к ней на колени; она станет у тебя в голове искать, а ты улучн минуту, вытащн ключ у ней из кармана, да меня и выпущн.

Королевнч так и сделал; вытащнл ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положнл на тугой лук и пустил её далеко-далеко, а сам кричнт, чтоб мамкн и нянькн ловнлн стрелу. Мамкн и нянькн разбежалнся, в это время королевнч отпѣр железный столб и высвободнл мужнка-лешего.

□ Пошѣл мужнк-лешнй рвать королевскнє лѣсы! Вндрт король, что зверн болъше не попадаются, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, мужнка-лешего выпускала? И созвал он бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову лн ей на плахе снять, алн в ссылку сослать? Плохо пришлось королевнчу – жаль родную мать, и признался он отцу, что это его внна: вот так-то и так-то все дело было. Взгоревался король, что ему с сыном делать? Казннть нельзя; присуднлн: отпустить его на все на четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюгн зимнне, на все вихрн осеннне; дали ему котомку и одного дядьку.

□ Вышел королевнч с дядькою в чистое поле. Шлн онн близко лн, далеко лн, низко лн, высоко лн, и увндрлн колодезь. Говорнт королевнч дядьке:

– Ступай за водой!

– Нейду! – отвечает дядька.

Пошли дальше, шли-шли – опять колодезь.

– Ступай, принеси воды! Мне пить хочется, – просит дядьку королевский сын в другой раз.

– Нейду! – говорит дядька.

Вот ещё шли-шли – попадается третий колодезь, дядька опять нейдёт, и пошёл за водой сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкой и говорит:

– Не выпущу! Будь ты слугой, а я – королевичем.

Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше.

□ Вот пришли они в иное государство; идут к царю во дворец – дядька впереди, а королевич позади. Стал дядька жить у того царя в гостях, и ест и пьёт с ним за единым столом. Говорит он ему:

– Ваше царское величество! Возьмите моего слугу хоть на кухню.

Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить. Немного прошло времени – выучился королевич готовить кушанье лучше царских поваров. Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

□ Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог. Сел царь обедать; подают пирог, царь только было за нож взялся, как бежит главный повар:

– Ваше величество! Не извольте кушать.

И наказывал на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь; собака съела да тут же издохла. Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом:

– Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!

– Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! – отвечает королевич, – Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть.

□ Повёл королевич коней на водопой, а навстречу ему мужик-леший:

– Здорово, королевский сын! Пойдём ко мне в гости.

– Боюсь, кони разбегутся.

– Ничего, пойдём!

Изба тут же очутилась. У лешего-мужика три дочери; спрашивает он старшую:

– А что ты присудишь королевскому сыну за то, что из железного столба выпустил?

Дочь говорит:

– Дам ему скатерть-самобранку.

Вышел королевич от лешего-мужика с подарком, смотрит – кони все налицо; развернул скатерть – чего хочешь, того просишь: и питьё и еда!

□ На другой день гонит он царских коней на водопой, а мужик-леший опять навстречу:

– Пойдём ко мне в гости!

Привёл и спрашивает среднюю дочь:

– А ты что королевскому сыну присудишь?

– Я ему подарю зеркальце: что захочешь, всё в зеркальце увидишь!

На третий день опять попадается королевичу мужик-леший, ведёт к себе в гости и спрашивает меньшую дочь:

– А ты что королевскому сыну присудишь?

– Я ему подарю дудочку – только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники.

Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьёт хорошо, всё знает, всё ведаёт, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и на́ ногу резвы.

□Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послал ему господь славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заприметила: да как и не заметить красной дёвице добра мо́лодца! Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других?

– Дай, – думает, – пойду в его горницу, посмотрю: как он, бедняжка, поживает?

А уж известно: чего баба захочет, то и сделает. Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце – тотчас всё смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

□В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество.

– А если не выдадут, так и силой возьму! – сказал он и расставил своё войско – тьму-тьмущую.

Плохо пришлось царю: делает он клич по всему своему царству,

сзывает князей и богатырей; кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество. Вот собрались князья и богатыри, поехали сражаться против Идолища, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими. Едет, а навстречу ему мужик-леший:

– Куда ты, королевский сын?

– Воевать.

– Да на кляче далеко не уедешь! А ещё конюх! Пойдём ко мне в гости.

□Привёл в свою избу, налил ему стакан водки. Королевич выпил.

– Много ль в себе силы чувствуешь? – спрашивает мужик-леший.

– Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б её вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почувял бы!

Дал ему другой стакан выпить:

– А теперь много ли силы?

– Да если б была палица во сто пудов, я б её выше облаков подбросил.

Налил ему третий стакан:

– А теперь какова твоя сила?

– Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!

Мужик-леший нацедил водки из другого крану и подал королевичу; королевич выпил – и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

□После вывел его мужик-леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом: отколь ни взялся – вороной конь бежит, земля

дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплутся. Прибежал к крыльцу и пал на коленки.

– Вот тебе конь!

Дал ему еще палицу-буявицу^[2] да плеть шёлковую. Выехал королевич на своём вороном коне супротив рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страху трясётся. Королевич стегнул его плеткою раз-другой и полетел на вражее воинство; много народу мечом прирубил, ещё больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снёс. А царевна всё это видела; не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется. Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича:

– Чем себя поблагодарить велишь?

– Поцелуй меня, красна девица!

Царевна не устыдилася, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что всё войско услышало.

□Королевич ударил коня – и был таков! Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был, а дядька всем хвастает, всем рассказывает:

– Это я был, я Идолище победил!

Царь встретил его с большим почётом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир. Только царевна не будь глупа – возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю?

– Батюшка, – говорит он царю, – дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты; да прикажи и конюху со мной ехать: я ведь больно к нему привык!

Царь послушался, дал ему корабль и конюха.

□Вот они и поехали, близко ли, далеко ли отплыли – дядька

приказал сшить куль, посадить в него конюха и пустить в воду. Царевна глянула в зеркальце, видит – беда! Села в коляску и поскорей к морю; а на берегу уж мужик-леший сидит да невод вяжет.

– Мужичок! Помоги моему горю; злой дядька королевича утопил.

– Изволь, красна дёвица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки.

Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою; а дома все дочиста отцу рассказала.

□ Сейчас весёлым пирком, да и за свадебку; у царя ни мёд варить, ни вино курить – всего вдоволь! А дядька накупил разных снадобий и воротился назад: входит во дворец, а тут его и схватили. Взмолился он, да поздно: духом^[3] его на воротах расстреляли. Свадьба королевича была весёлая; все кабаки и трактиры на целую неделю были открыты для простого народа безденежно. И я там был, мёд-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

[1] – Сети, ловушки.

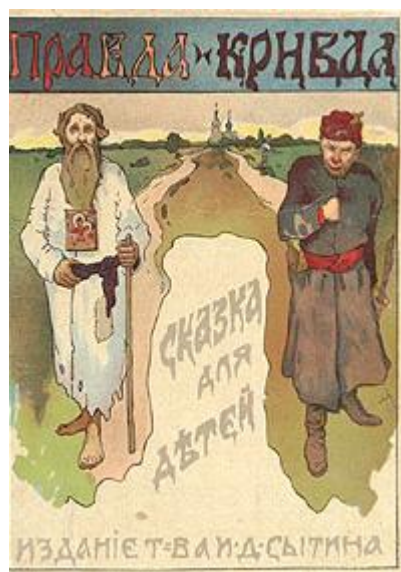
[2] – Боевую палицу (Ред).

[3] – Быстро, скоро.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Правда и Кривда

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича, с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шёл по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трёх раз, кто им навстречу попадёт и что на это скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали – барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят:

– Бог на´помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете – правдой или кривдой?

– Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой

жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь^[1], слышь, у нас господа отнимают дни, работа́ть на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось – хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днём, так ночью, коли есть запрет.

– Ну, слышь, моя правда, – говорит криводушный-от правдивому-то.

□ Вот пошли опять по дороге – что скажет им другой. Шли-шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают:

– Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чём мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?

– Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем.

– Ну, слышь, моя правда, – говорит опять криводушный-от правдивому-то.

□ Вот пошли они опять по дороге – что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают:

– Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?

– Вот нашли о чём спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут – кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни.

– Ну, слышь, – говорит криводушный-от правдивому-то, – вот все говорят, что кривдой лучше жить.

– Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу, – говорит правдивый-от криводушному-то.

□ Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли, – криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьёт, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеётся над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлебца у криводушного-то:

– Дай, слышь, мне кусочек хлебца!

– А что за него мне дашь? – говорит криводушный.

– Если что хошь – возьми, что у меня есть, – говорит правдивый-от.

– Дай глаз я тебе выколю!

– Ну, выколи, – он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

□ Шли-шли, – опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разно стал над ним насмехаться.

– Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек.

– Ах, братец, пожалей, я слепой буду, – правдивый-от упрашивал его.

– Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой, – криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть.

– На, выколи и другой, коли греха не боишься, – правдивый-от

говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге:

– Вот, стану я тебя водить?

Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошёл потихоньку ощупью с палочкой.

□Шёл-шёл кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога:

– Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!

Молился, слышь, молился, вот и услышал он голос; кто-то ему говорит:

– Иди ты направо. Как пойдёшь направо, придёшь к лесу; придёшь к лесу – найди ты ощупью тропинку. Найдёшь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдёшь по тропинке, придёшь на гремачий^[2] ключ. Как придёшь ты к гремачему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождёшься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище.

□Вот он кое-как добрёл до леса. Добрёл до леса, полазил-полазил по нём, напал кое-как на тропинку. Пошёл по той тропинке, дошёл до гремачего ключа. Дошёл до ключа, знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий – прозрел. Вот как прозрел – и пошёл, слышь, вверх по тому ключу. Шёл-шёл по нём вот и видит большой дуб. Под ним всё утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был.

Вот один бес и говорит:

– Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов её мучаю. Всяко меня выгоняют из неё, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан.

□Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошёл искать того купца. Искал, искал, кое-как нашёл его. Нашёл и просится работаť на него.

– Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот.

Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь:

– Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги.

– Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору.

– Нет, слышь, не дам образ. Проработай ещё год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его.

Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал ещё год. Ни дня, ни ночи не знал, всё работал, такой, слышь, старательный был.

□Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить и образ-от отдать.

– Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай ещё год, ну, так отдам тебе образ.

Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал ещё пуще того, знашь, всем на диво, какой был работающий! Вот

проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему.

– На, возьми образ и ступай с богом.

Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

□ Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошёл, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шёл-шёл и пришёл к тому царю. Пришёл к царю и говорит:

– Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу.

Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил – знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из неё недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

□ Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали.

– Нет, слышь, ничего не надо!

Вот царевна-то и говорит царю:

– Я замуж за него иду.

– Ладно, – царь-от сказал.

□ Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал

наш мужичок ходить в оде́же царской, жить в царских хоромах, пить-есть всё и на всё заодно с ними. Жил-жил и принаторел^[3] к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит:

– Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная.

– Ладно, – царевна, знашь, жена-то его, сказала. – Поедем вместе.

□Вот и поехали они вместе, вдвоём с царевной. Лошади-то, одежда, коляска, сбруя – всё царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идёт, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит:

– Здравствуй, братец мой, – называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковину, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его.

– Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!

□Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать.

– Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес, – знашь, научает его, как его бог научил. – В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придёшь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там ты большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нём. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь своё счастье.

□Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, всё это сделал. Нашёл лес и ту тропинку. Пошёл по тропинке и пришёл, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошёл вверх по нём. Пошёл вверх и увидел большой дуб,

под ним всё утоптанно. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождлся ночи и слышит, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись – и услышали по духу его на дубу. Услышали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

[1] – Бесперечь – беспрестанно

[2] – Гремячий – журчащий.

[3] – Т. е. принововился к их приемам и обычаям (Ред.).

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Князь Данила-Говорила

Жила-была старушка-княгиня; у неё росли сын да дочь – такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: «как бы их извести да до худа довести?» – думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит:

– Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенёк, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и тороват, только бы не снимал и женился на той девице, которой моё колечко будет по ручке!

Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

□Время идёт, а сынок растёт. Вырос и стал искать невесту; понравится одна, приглянется другая, а колечко померяют – или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ездил-ездил и по селам и по городам, всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой и задумался.

– О чём ты, братец, кручинишься? – спрашивает его сестра.

Открыл он ей своё бездолье, рассказал своё горе.

– Что ж это за мудрёный перстенёк? – говорит сестра. – Дай я померяю.

Вздела на пальчик – колечко обвилось, засияло, пришлось по руке, как для ней нарочно вылито.

– Ах, сестра, ты моя суженая, ты мне будешь жена!

– Что ты, брат! Вспомни бога, вспомни грех, женятся ль на сёстрах?

Но брат не слушал, плясал от радости и велел собираться к венцу. Залилась она горькими слезами, вышла из светлицы, села на пороге и река-рекой льётся!

□Идут мимо старушки прохожие; зазвала их накормить-напоить. Спрашивают они: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; рассказала им все.

– Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся нас: сделай четыре куколки, расседи по четырём углам; станет брат звать под венец – иди, станет звать в светлицу – не торопись. Надейся на бога, прощай.

Старушки ушли. Брат с сестрой обвенчался, пошёл в светлицу и говорит:

– Сестра Катерина, иди на перины!

Она отвечает:

– Сейчас, братец, серёжки сниму.

А куколки в четырёх углах закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою,
Куку, за себя берёт.
Куку, расступись, земля,
Куку, провались, сестра!

Земля стала расступаться, сестра проваливаться. Брат кричит:

– Сестра Катерина, иди на перины!

– Сейчас, братец, поясок развяжу.

Куколки кукуют:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою,
Куку, за себя берёт.
Куку, расступись, земля.
Куку, провались, сестра!

Уже остаётся одна голова видна. Брат опять зовёт:

– Сестра Катерина, иди на перины!

– Сейчас, братец, башмачки сниму.

Куколки кукуют, и скрылась она под землёй.

□Брат зовёт ещё, зовёт громче – нету! Рассердился, прибежал, хлопнул в двери – двери слетели, глянул на все стороны – сестры как не бывало; а в углах сидят одни куклы да знай себе кукуют:

– Расступись, земля, провались, сестра!

Схватил он топор, порубил им головы и побросал в печь.

□А сестра шла-шла под землёю, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевёртывается.

– Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом.

Избушка стала, двери отворились. В избушке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом. Встрела гостью ласково, вздохнула и говорит:

– Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!

Испугалась гостья таких речей, а деваться некуда, села с хозяйкой за ширинку; шьют да разговаривают. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетит, обратила гостью в иглочку, заложила в веничек, поставила в уголок. Только она её прибрала, ведьма шасть в двери:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

– Матушка-сударыня! Шли прохожие да зашли водицы напиться.

– Что ж ты их не оставила?

– Стары, родимая, не по твоим зубам.

– Вперёд гляди – на двор всех зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять на раздобытки.

Ушла; девушки сели за ширинку, шили, говорили и посмеивались.

□Прилетела ведьма; нюх-нюх по избе:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

– Вот только заходили старички руки погреть; оставляла, не

остались.

Ведьма была голодна, пожурила дочь и опять улетела. Гостья отсиделась в веничке. Скорее принялись дошивать ширинку; и шьют, и поспешают, и сговариваются: как бы уйти от беды; убежать от лихой ведьмы? Не успели переглянуться, перешепнуться, а она к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

– А вот, матушка, красная девица тебя дожидает.

Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос.

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Топи печь жарко-жарко!

Наносили дров и дубовых и кленовых, разложили огонь, пламя из печи бьёт.

□Ведьма взяла лопату широкую, стала гостью потчевать:

– Садись-ка, красавица, на лопату.

Красавица села. Ведьма двинула её в устье, а она одну ногу кладет в печь, а другую на печь.

– Что ты, девушка, не умеешь сидеть; сядь хорошенько!

Поправилась, села хорошенько; ведьма её в устье, а она одну ногу в печь, а другую под печь. Озлилась ведьма, выхватила её назад.

– Шалишь, шалишь, молодушка! Сиди смирно, вот так; гляди на меня!

Шлёп сама на лопату, вытянула ножки; а девицы поскорей её в печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бежать, взяли с собою шитую ширинку, щётку и гребёнку.

□Бежали-бежали, глядь назад, а злодейка выдралась, увидела их и посвистывает:

– Гай, гай, гай, вы там-то!

Что делать? Бросили щётку – вырос тростник густой-густой: уж не проползёт. Ведьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняет близко... Куда деваться? Бросили гребёнку – выросла дуброва тёмная-тёмная: муха не пролетит. Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон! Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать некуда, выбились из сил! Бросили ширинку златошвейную – разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высоко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела.

□Остались две девицы, бесприютные голубицы; надо идти, а куда? – не знают. Сели отдохнуть. Вот подошёл к ним человек, спрашивает: кто они? и доложил барину, что в его владеньях сидят не две пташки залётные, а две красавицы намалеванные – одна в одну родством и дородством, бровь в бровь, глаз в глаз; одна из них должна быть ваша сестрица, а которая – угадать нельзя. Пошёл барин поглядеть, зазвал их к себе. Видит – сестра его здесь, слуга не соврал, но которая – ему не узнать; она сердита – не скажется; что делать?

– А вот что, сударь! Налю я бараний пузырь крови, положите его себе под мышку, разговаривайте с гостями, а я подойду и хвачу вас ножом в бок; кровь польётся, сестра объявится!

– Хорошо!

Вздумали – сделали: слуга хватил барина в бок, кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает:

– Милый мой, ненаглядный мой!

А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и отдал её

за хорошего человека, а сам женился на её подруге, которой и перстенёк пришелся по ручке, и зажили все припеваючи.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкой; у них была дочка да сынок маленький.

– Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдём на работу, принесём тебе булочку, сошьём платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора.

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках. Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету. Кликнула, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись

вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли её братца, бросилась их догонять. Бежала-бежала, стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка, скажу.

– О, у моего батюшки пшеничные не едятся!

Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблока, скажу.

– О, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

– Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?

– Съешь моего простого киселика с молоком, скажу.

– О, у моего батюшки и сливочки не едятся!

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался ёж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

– Ёжик, ёжик, не видал ли, куда гуси полетели?

– Вон туда-то! – указал.

Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега.

– Речка-матушка, спрячь меня!

– Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела. Речка её посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!

– Съешь моё лесное яблочко!

Поскорей съела. Яблонь её заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка.

– Сударыня печка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо ещё, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...